Владимир Градусов

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

(Философская лирика)

Том 1

(до 2024 г.)

Стихи отобрал Владимир Лев

***

В тетрадку эту я копил
ту боль, что губит нас не сразу
и лишь внимательному глазу
видна за строчками чернил.

Те строчки памятью храня,
ты открывай её не часто,
не зажигай свечу напрасно
при равнодушном свете дня.

***

I

За чередой ползучих лет
упасть во тьму иных времен,
на черепке оставив след –
пусть мне он будет ostracon

В Древнем Египте, ввиду своей доступности по сравнению с дорогими папирусами, глиняные черепки ostracon служили для записей ...

II

За чередой ползучих лет
упасть в небытие, однако,
на черепке оставить след –
пускай он станет мне ostrakon

***

Однажды под вечер он ушёл из дома
для умалишённых в окружавший его,
еще зимний, лес . . . Через несколько
недель художника не стало.

(Из биографии М.К. Чюрлёниса)

Как часто, часто на меня
видение находит:
на свет неверного огня
Чюрлёнис в ночь уходит.

Сосны ленивый, гибкий ствол
скрипит ему напевно,
что от смотрителей ушёл
чудак, больной душевно.

-- Пройти бы только этот лес
дерев холодных, сонных --
и навсегда бы он исчез,
чертог ума лишённых.
- - - - - - - - - - - -
Мрак незаметно, не звеня
жизнь в пустоту уводит . . .
Как часто, часто на меня
видение находит.

***

Памяти К. Богатырёва

Одинокому и шум -- утешение.

Ницше

Озябшей ночи тихий плач.
За стеклами карниз железный
дрожит… И маленький скрипач
внутри -- глядит со мною в бездну.

Нет, это вовсе не обман,
когда в виске гул тверди явлен,
поникло все, и сквозь туман
ты взглядом сотен звезд придавлен.

Увидишь в сизой стылой мгле --
ночного хаоса потомок
и гость минутный на земле --
что ты лишь вечности обломок.

И жутко постигаешь вдруг
в мерцаньи чутких глаз манящих,
что сотворен десятый круг --
здесь, на земле, для всех неспящих.

Играй, мой музыкант, играй!
Мы выйдем из ночного круга,
покинем этой бездны край,
пока струна еще упруга

Играй, скрипач! Нельзя устать,
ведь мы с тобой спасемся оба.
Мы сможем в звуках расплескать
тоску и вечности, и гроба.

Уснул… Лишь на пустом дворе,
качаясь, стонет тополь тощий,
да ветер в новом январе
карниз за стеклами полощет.

Ночь с 1 на 2 января 1977

***

Когда осколок-слово тонко ранит,
внутри тоскливо заскребётся мышь --
потащишь день, как рикша,
кем-то нанят,
и глупую мелодию свистишь.

Но если женщина, последствия
исчисля,
ударит здравым смыслом,
чуть смутясь --
вернёшься к прежним
сокровенным мыслям,
и тихо с миром обнаружишь связь.

***

Любовь и голод правят миром:
один -- нахраписто и грубо,
другая . . .
Жаждущие губы
обоим молятся кумирам.

Когда же под двойною плетью
померкнет трудная дорога,
опутанный незримой сетью,
усну, как в гамаке у Бога (убого).

***

Судьба мне подарила год…
бесценный год, а я, меняла,
смекал среди пустых хлопот:
-- что это -- много или мало? –

Уверился в житье-бытье,
словно себя в раю увидел
и Бог, как лондонский портье,
на долгий срок ключи мне выдал.

Попробуй, посчитать сумей:
когда в родных глазах сияла
улыбка женщины твоей,
чт**о** это -- много или мало?

А чем измеришь легкий сон
блаженного, святого мига,
когда витаешь, невесом,
опустошён сонатой Грига?

В осеннем парке ветер стих,
и хрупкая листва опала,
а губы сами шепчут стих --
чт**о** это -- много или мало?

Подаркам, как цыганка, рад,
когда на ТОТ рубеж прибуду
и встретит страж у тайных врат,
за счастье -- чем платить я буду ?

***

Ты ни одной живой не выдашь
строчки,
хоть в пляске Витта изойдешь, пыля,
пока пространство не сожмёшь
до точки
и время не загонишь до нуля.

***

Опять я осень проморгал . . .
Кто скажет, сколько их осталось,
пока сомнёт меня усталость,
как долгожданного врага?

Но нет восторга и сейчас
в полях и тонких перелесках:
как на средневековых фресках,
святого Витта вижу пляс.

***

Погребение

I

Чело и век… из века в век
постичь их смысл не удаётся:
поник в бессилье человек
у края чёрного колодца.

Мы, разве лишь, тогда поймём
случайность, кинувшую в гости
нас в этот мир, -- когда рядком
положат в землю наши кости.

II

Народ мой там -- во тьме ничтожной
за краем этой ямы скользкой.
Зачем -- заложник жизни ложной,
куст у тропы в степи монгольской –
торчу? Паломник одинокий
повесит «лоскуток желанья» --
чужая жизнь судьбы далёкой
трепещет бабочкой прощанья.
Так, устаревшим реквизитом
оставленный, как пёс у пирса,
актёр у форточки открытой
шепнёт во тьму: «Забыли Фирса…»

***

Заботы дня уже забыты,
усталостью прикрыло взор,
лишь губы, сном полуоткрыты,
зовут на тайный разговор.

Поведать о родном и близком
настала чуткая пора,
как бросить юности записку . . .
но с нею в разных мы мирах.

Пока, невольно ей любуясь,
по эту сторону стою,
она витает по другую,
иного неба на краю.

***

Сомнамбула

Как пианист на строчках клавиш,
в ночи склоняюсь над тобой.
Ты и дельфина петь заставишь
о д***ы***мке нежно-голубой.

По складкам шёлка пробегая,
касаюсь впадинок и швов:
под ним трепещешь ты нагая
и всё мне говоришь без слов.

***

Любви не значимы угрозы,
скорее -- сноска и петит.
Она смеясь глотает слёзы,
и вся мораль к чертям летит.

***

Судьба философа

I

Влекома дерзкою мечтой,
мысль в поединке с Абсолютом
восстанет вспыхнувшей минутой
и снова падает в Ничто.

II

Влекома дерзкою мечтой,
мысль долгожданною минутой
восстанет вспышкой Абсолюта…
и снова падает в Ничто.

***

Из Лермонтова

Господь, ты знаешь: я не вечен
и жребий мой каков.
Избавь меня от дружбы женщин
и от любви врагов.

***

Стихи приходят по ночам…
Какие звуки сердце слышит!
Слова аккордами звучат…
Но кто их в темноте запишет.

Проснешься – и нахальный день
от трескотни, как «фан» балдеет.
Строчи пером, пока не лень…
Но кто мне музыку навеет.

***

Явленье ваше было так прелестно,
как будто это ангельская весть . . .
Я вам читал из “Господина Теста”,
потом своё осмелился прочесть.

Глаза смотрели пристально и влажно.
Такой хрустальный в них лучился свет,
что было в тот момент едва ли важно,
реальность существует, или нет.

О ней напоминали звуки вальса,
вино, тюльпаны, “зайчик” на стене.
Мой внутренний двойник -- и тот вам сдался,
что ж говорить напрасно обо мне.

Одежды ваши вдруг заговорили,
мой слабый разум помутился весь . . .
Вы красоту свою мне подарили:
“Что хочешь делай!
Здесь . . . да, да . . . и здесь . . ”

Раскрылись лепестки атласной розы,
сочащейся прозрачной белизной . . .
Пчелой застыв в пленительной угрозе,
сорваться вглубь, избыть дрожащий зной!

Такое не выдерживает сердце . . .
Толчок иль выстрел . . . так и не пойму:
реальность хлопнула какой-то дверцей,
вернув меня в обыденности тьму.

***

Когда уходит шебутн***а***я
жизнь, словно бабка на вокзал,
мне снится женщина родная . . .
(О, кто вас только не писал!

Но если пишешь без обмана
и лыко в стр***о***ку не тая,
то будь Елена иль Диана --
она у каждого своя.)
Глаза -- как угли из мангала,
взор -- встрепенувшихся орлиц
(миг, или вечность не мигала?)
из-под взметнувшихся ресниц.

С какими, к чёрту, лепестками
сравню дыханье губ -- нельзя
тот хмель перевести словами:
им лучше сразу сдамся я.

Когда под шёлком, словно в клетке,
дрожат то ль мордочки сурков,
то ли кизил на лёгкой ветке --
пьянею от подобных снов.

Влекомый сладостным недугом,
хочу ласкать её висок,
пушок над шейкой и за ухом,
манящий робкий ветерок.

А если вдруг сквозняк-разбойник
тайком прижмёт прозрачный шёлк --
дурманит тёмный треугольник,
пристроившийся на мысок.
Твой лик таинственен и светел,
молится бы твоим следам,
и если здесь тебя я встретил,
кому за это “аз воздам”?

***

Стих -- не малыш в златом венце,
играющий любимой строчкой,
он даже на своем конце
не позволяет ставить точку.

Как узкоглазенький япончик,
искусство нежное любя,
когда ему пора бы кончить,
он не кончает -- ждет тебя!

* Живое рождают двое.

***

Вода водой останется всегда,
теки она хоть вечность непрестанно,
пока не засверкает иногда
нам красотой залива иль фонтана.

Или слова . . . они слова, слова . . .
но вдруг они засветятся нежданно
то строчкой вдохновенного псалма,
то глубиной могучего романа.

О женщине я говорить не смею,
порой взгляну . . . и онемею.

***

Легче видится поэту бытиё
без сочувствия, словно подранку.
Может сбить высокую он планку,
но уж не полезет под неё

***

Совет известный: посмотри
на жизнь снаружи и внутри
и опиши строкою легкой
с приправой собственной сноровки.

Не штука -- в рифму рассказать
о давке в утреннем вагоне
или об этой вот вороне,
труднее радость людям дать.

А красота и вовсе тайна
среди бог весть каких глубин:
ты поплывешь один… один…
и вдруг она мелькнет случайно.

Мелькнет, как божества награда
за долгие пустые дни.
Она лишь музыке сродни,
слова писать уже не надо.

***

Стиха причудливый столбец
мысль сберегает среди хлама,
словно встревоженный отец
детей спасает из бедлама.

***

24 сентября

Ты спрашиваешь: как дела
и что моё рожденье значит?
-- Весь этот день природа плачет:
зачем такого родила?
Явившись в городе голодном,
с пелёнок сам себе большой,
омытый воздухом холодным,
брожу с подружкою душой
по всей державе знаменитой,
где д**о**ма так и не обрёл,
всем сквознякам её открытый . . .
и вот бор**а** на край подвёл.
Готовый к новой переброске,
вряд ли кому уже родной,
сто***ю*** -- «буржуй на перекрёстке» --
на юге Родины больной.

Похоже, что в тоске российской
натешилось не вдоволь зло:
теперь озноб сквозной, летийский
пытает кости на излом.

***

Когда душа дышать не рада,
в мои листочки понарошку
с горчинкой всыпьте «самосада»
и раскурите «козью ножку».

Быть может, путаные думки,
мной завладевшие когда-то,
вас позовут к подружке рюмке
перекурить печаль заката

***

В жизни ждешь поры чудесной,
чтоб свободою дышать,
чтобы спеть хотелось песню,
глупым птицам подражать.

Не заметил в час вечерний,
что, куда ни посмотри,
а кругом такие дебри,
где гуляют упыри.

Здесь, как драка на болоте,
здесь не хватит кулаков:
жижи досыта хлебнёте,
помахал -- и будь таков.

К песне потеряв охоту,
нахватался тумаков,
расплескалась по болоту
грязь от многих языков.

Трудно выбраться на волю,
хоть полжизни колеси.
Проклинай такую долю,
а своё с собой неси.

***

Долго, теменью одетый,
будешь по лесу блудить,
только песнею неспетой
жаль за эту жизнь платить.

Не нашёл пути, хоть тресни,
(не уйти же молодым)
не сложилась в жизни песня,
вся развеялась, как дым.

***

Давно мне шаги нелегки,
не ждал от судьбы я такого подарка:
особая ноша -- стихи:
и некуда сбросить, и выбросить жалко.

***

Иных злой Рок вдвойне карает:
он в наказанье за грехи
обрёк его писать стихи . . .
Теперь на суд их выставляет.

***

Мысль, облачённая в слова, умирает. . .

А. Шопенгауэр

На людях в маски прячут лица,
а мысль -- в слова, как в гроб, ложится.

Монады не имели окон,
повитые в словесный кокон,

после себя оставив только
шуршание пустого шёлка.

Живая мысль незримо дышит
и окружающее слышит.

Где «размышлизмам» не даётся --
она нечаянно пробьётся.

Так стих порою заклокочет,
когда гортань его захочет.

***

Жизнь -- как ни украшай мечтой,
глядится мишурой пустой.

Порой -- художник мир творит,
если талантом даровит.

Но жизнь, поэт, творит тебя
и замыкает на себя:

закрутит в Мёбиуса лист,
или в пустого ветра свист.

***

Вряд ли до истины дойдёшь,
подвержен многим пересудам,
в достатке раздающим ложь,
коль сам не встретишься с абсурдом.

Абсурд так высветит предмет,
нарушит зренья постоянство --
мысль схватит то, чего и нет,
раздвинув глубину пространства.

***

Время -- это конструкт.

П.Валери

Мучит Мир уже давно:
как в нем Время появилось?
Длительность, необратимость
или видимость оно?

Сколь давно тащу я бремя --
высветит тебе слеза.
Посмотри в мои глаза:
ты по ним узнаешь Время.

***

и люди, мнящие себя как боги,
не знающие скрытой глубины,
словам их точные значения даны,
а мысли однозначны и убоги.

Трудно разговаривать со смертью
(да и кто б тогда не стал немым),
Трудно разговаривать со смертным,
если ты не встретился с живым.

Выведешь проветрить разум мглистый,
освежиться в тишине аллей --
встретишься с нанистом, онанистом,
программистом «четырех коней».

То ли век такой на небе начат,
онемел потерянной душой:
все чужую жизнь привычно тащат,
кто по «малой» сцене, кто -- Большой.

Лишь бы слово не пропало даром,
не порвалась золотая нить . . .
Мне бы побеседовать с Эдгаром,
ворона хотя бы приручить.

Тенью на стене большая птица
предрекла суровый приговор:
либо мысль живая воплотится,
либо онемеем в «Nevermore».

Чтобы возродить немую память,
если трудно стало говорить,
я готов вороною накаркать,
лишь бы смертных к жизни пробудить.

Трудно разговаривать со смертным:
вряд ли числюсь у него живым.
Трудно разговаривать со смертью,
да и кто б тогда не стал немым.

***

Земля плодится и стареет век от века,
к невидимой границе подошла:
людей всё больше, меньше -- человека,
а значит, меньше и добра, и зла.

***

Пусть недотрога красотой опасна,
томит и мучает мужчин окрест,
по мне -- такая женщина прекрасна,
в которой много трогательных мест.

***

Мусолить мысль словами –
жалкий труд:
она несмертна, а слова умрут.

***

Талант не поддаётся воспитанию.
Заранее нет русла у реки.
Поэт, благодаря образованию?
Он не благодаря, а вопреки.

***

Пора к последнему нам тайму,
но огонёк наш не погас,
ты позовёшь меня по скайпу --
и мы увидимся тотчас.

Я жду порой такого мига,
чтоб от экрана ни на шаг,
ведь мы с тобой -- ночная лига,
значит -- элита как никак.

Ты спросишь, друг, из-за границы:
что нового в моей судьбе?
По-прежнему ль летают птицы,
как это было при тебе?

Нет: те же мысли, к небу глухи,
мозг -- запечатанный сосуд.
Гудят апухтинские мухи
и также жизнь мою сосут.

***

Проснёшься вдруг: ни сон, ни бденье,
во мгле самим собой не понят.
“Река времён в своём стремленье”
уносит жизнь в глубокий омут.

Рассудок ищет, словно друга,
кому она хоть что-то стоит.
Где та звезда, в ночи подруга,
что ум восставший успокоит?

И если кто-нибудь на этот
вопрос мой звёздочку пометит,
звезда Жуковского ответом
“Невыразимое” осветит.

Вот эта, Батюшкова: “К другу”
мне прочитать во тьме готова.
Взгляд устремляется по кругу:
вдруг огонёк засветит снова.

“Пора мой, друг, пора” -- прошепчет,
и я ему всех больше верю.
Как ни гадаешь, чёт ли, нечет,
переживёт земля потерю.

***

Из мыслей мы рисуем смыслы,
из звуков музыку творим.
Но мысли бахромой повисли,
а смысл, как тать, неуловим.

И музыки давно не слышно,
о ней мы только говорим.
Так в онемевшем веке вышло:
мы говорим . . . и говорим.

***

Истина -- дама: неглиже --
это не она уже.

На камне Царского Села
она весь год обнажена,
но кто посмеет из мужей
сказать, что дева “неглиже”.

Кому нужна мыслишка жёванная,
таким люд***я***м отвечу прямо:
дама бывает обнажённая,
но голая -- она не дама.

***

В ласкающем солнечном свете,
для чьих-то весёлых затей,
на самой прекрасной планете
рассыпалось племя людей.

Соседние видят друг друга,
взор чистый, как лучик с небес,
но даже из ближнего круга
у каждого свой интерес.

Вы лучше мне честно скажите:
зачем я вам нужен, друзья?
Живу на земле, как сожитель,
но вам безразличен весь “я”.

***

Как надежду ни лелеешь,
ты в судьбе своей живёшь:
дребезги не соберёшь,
а тем более не склеишь.
Дребезжат они ночами
в неземной своей печали.

***

В поэзию, мой друг, не рвись:
“Напряг рассудок -- и готово”.
Не обуздать шальную мысль,
мертвеет жизнь, попавши в слово.

***

Пускай в тебе пощады нет:
“В стихах ни рожи, мол, ни кожи”--
читатель мой, оставь скелет,
хоть чем-то на меня похожий.

***

Огромный наш поэт,
позвольте вам сказать:
зачем так мастерски
о глупости писать?

***

Прозрение

“Есть два Маяковских,
как ни посмотри:
один я снаружи,
другой я внутри”.

Когда недостало
божественных сил,
один Маяковский
обоих убил.

***

Как нам продолжить жизни нить?
Недоразумки множим, множим . . .
Мы разучились говорить,
но и молчать уже не можем.

***

Весна листает календарь,
а следом -- лето:
охватит пылью, обовьёт жарой,
глаза устанут от избытка света
и новою утешатся порой.

Тогда осенний разноцветный вечер
кидает листья и ласкает взгляд.
Только весёлый и тревожный ветер
навеет память посмотреть назад.

Когда зима в стекло бросает крошки,
а мысли падают, воздушны и тихи --
лишь умная и преданная кошка
и спит со мной, и слушает стихи.

***

Язык поэзии живуч,
как ночь у моего порога.
Её чистейший тайный ключ
и я чуть-чуть губами трогал.

Не думай, что для всяких уст
он век журчать не перестанет,
не будь, как этот карапуз,
что молоко из мамки тянет.

Поэзия, как жизнь сурова,
недолго держит на груди,
знает, ***что*** будет впереди,
ждёт ***твоего*** живого слова.

***

Во сне прошедшее терзает
тоскливо, муторно и слёзно,
а стих -- как мне помочь, не знает:
слова приходят слишком поздно

***

В сей жизни неизведанной
сорвёшься от замен:
бывает, в слове «преданный»
не знаешь, сколько «н»

***

Зачем пишу? Кто прочитает?
Мой в землю путь уж невелик.
Не тот прочтёт, кто пролистает.
Случайный вряд ли дочитает,
что мой недосказал язык.

***

Поэту

Если путь его заслужен,
если “счастья выше нет” --
где поэт кому-то нужен?
Он, возможно, не поэт.

С ним не всё “как у людей”,
не мужик, хоть и не тряпка.
Веселит порой друзей,
радует тогда, как шляпка.

А когда уйдёт навек
в поисках иных скитаний,
вдруг засветится для всех
ворохом воспоминаний.

Каждый тянет на себя,
словно утром одеяло:
“Мы с ним были как семья . . .
И нас тоже там стояло”.

Если путь его заслужен,
если “счастья выше нет” --
где поэт кому-то нужен?
Он, скорее, не поэт.

***

Поэта путь немногими испытан,
но если же когда-нибудь
он кем-то сможет быть прочитан --
тогда его окончен путь.

Не знаю, буду ли прочитан.
Мне легче -- я никем не читан.
Меня в моих стихах
конечно не прочтёте.
Но если и читать их не возьмёте,
то безразлично мне,
как вы их назовёте:
поэзия они иль рифмы
в переплёте.

***

Свою рабочую тетрадь
листаю до последней строчки . . .
В конце приходится вставлять,
на случай, новые листочки.

Ещё надеешься продлить
живую мысль хотя б немножко . . .
и понимаешь, что закрыть
придётся всё-таки обложку.

***

Проснулся ночью. Нет покоя,
и что-то за окном маячит.
А слово -- что ж оно такое,
коль говорит не то, что значит?
До этого был тусклый вечер,

ничем от ночи не отличный.
Глаза давно не ждали встречи
с другими . . .
Прежде день обычный
никак с утра не засветился,
словно вовек не просыпался,
как будто даже не родился,
но в тишине лежать остался.
Утро от ночи не очнулось.
С ним не однажды так бывало.
Тихонько только содрогнулось,
а ночь такая же стояла.

***

Если за слово ты в ответе --
не создавай ему уют.
Поэт, бросай слова на ветер,
так они дольше проживут.

***

Мне непонятна
длинных строк процессия,
слов в очереди за удачей.
Поэзия, как и любовь --
когда профессия,
то называется иначе.

***

Вживаясь в каждый новый день,
как пёс по запаху и звуку,
чем одолею дребедень
людскую, что противна слуху?

Если неможется завыть
среди так на тебя похожих,
осталось глупый стих сложить
и песенку напеть прохожим.

***

Вспыхнет поэтическая мысль
и сама на музыку ложится.
Если слово с нею заискрится,
есть надежда: зародилась жизнь.

Дальше в этой милой кутерьме
нет, не девять месяцев продлится,
но бывает радость -- стих приснится,
словно чудо подарили мне.

***

Кому из вас моих записок груду
случайно доведётся прочитать,
сожгите эту старую тетрадь
как никому не нужную причуду.

Пробью ль последним вскриком
ваши уши,
если стиха ритмичною строкой
который год стучу в пустые души,
словно незрячий тростью
пред собой.

Я вам чужой, как гул,
забытый в храме,
противней, чем больничная кровать.
Зачем же мишурою прикрывать
мешок костей в сырой
холодной яме?

***

Стихи мои сложил я в эту папку,
пусть полежат и отдохнут пока.
Быть может, кто-нибудь найдёт,
сгребёт в охапку . . .

но как он их прочтёт,

не зная языка?

У каждого поэта свой язык,

и чудо, если кто другой

к нему приник.

***

Кто лишь рассудком наделён,

но разумом владеет сонным --

стихи ***себе*** читает он,

словно Коран непосвящённым.

Если недодано судьбой,

рассудок в помощь зря приводишь:

прочитан -- встреченный тобой,

когда в себе его находишь.

***

Как пишутся стихи?

Никак . . . порой, курьёзно.

Издревле мудрецы понять хотели это.

Поэзию умом постигнуть невозможно.

Она живёт сама . . . и создаёт поэта.

Стихи -- как эхо за рекою,
немыслимо познать такое . . .
и нет до старости покоя.

***

Настала осень, зрелости пора.
Отжившие слова, как листья тают.
Они пленяли нас ещё вчера,
теперь судьбы своей уже не знают.

Тогда всё ляжет на свои места,
мы душами общаться будем с вами --
когда с деревьев облетит листва,
когда не сможем мы играть словами

***

Теперь спешить уже не надо,
стихи не пишутся почти.
Туманит зимняя прохлада
окна, как старые очки.

Тревожно задремали мысли,
их новизна уж не влечёт,
словно сосульками повисли . . .
только душа чего-то ждёт.

Разве весной пернатых стая
её куда-то позовёт?
Кто же она во мне такая,
что лишь последнею замрёт?

***

Лукавый, хитрый горизонт.
В него не можешь ты не верить.
Но где найдётся эталон,
каким до горизонта мерить?

Нарушив быта постоянство,
присяду в парке на скамейку.
Возможно, я и есть пространство,
а вы ко мне . . . свою линейку.

И время -- тоже человек.
Кто человек -- такое время.
У каждого свой день . . . и век,
и разное мы тащим бремя.

Поскольку всё сошлось на мне,
а я есть мысль, и только это,
то плавать в этой глубине --
предобречение поэта.

***

Прости, мой читатель,
вовек неизвестный.
Устала душа напевать тебе песни.
А мысли терзают мозги по ночам,
внимая чужим заплутавшим речам.
Ты сразу поймёшь по унылому тону,
насколько скучна мне
любовь по Платону,
какое желание сердце тревожит,
когда оно встретить другое
не может.
А Время -- всё в яму единую сложит.

***

Я перебрал свои листы,
слежавшиеся в беспорядке,
как дед, устав от суеты
и прополоть решивший грядки.

Осталось толику пожить,
глядеть вокруг весёлым чёртом,
но всё ж стихословесным спортом
Природу незачем смешить.

Приходится всё чаще вспоминать:
“Не заставляй других твои стихи читать”.

***

Играя в жизнь, со смехом,
и в слезах,
болтаешься то в Вологде,
то в Ленинграде,
и понимаешь, распахнув глаза,
что ты чужой в огромном стаде.

Вокруг приматы угрожают
и галдят,
и часто призывает случай
уйти, куда давно глаза глядят . . .
но опасаюсь: там не лучше.

***

И.А. Бунину

-- Российских женщин ты не трогай,
таких бы поискать на свете.
-- Да, жизнь пройдёшь любой дорогой,
а женщину так и не встретишь.
Быть может, где-то “в эмпиреях”,
на тёмных бунинских аллеях?
Пути российские -- ухабы,
а женщины -- повсюду бабы.

***

Если бы мёртвые не умирали

Если бы мёртвые не умирали,
а улетали в мир иной
и тихо сверху наблюдали
жизнь на планете голубой --
какой бы разум смог подняться
и не воскликнуть: “Чёрт возьми
наш мир больной, где суетятся
так и не ставшие людьми

***

Моему склерозу

Мысль за собой слова не носит.
Когда они немного значат
в волнующем её вопросе,
то и она по ним не плачет.

***

У человека нет истинного знания о себе.

Аль-Газали

Не говорите, что познали мрак . . .
и высший свет на бале.
Мир познаваем там и так,
как вы его познали.

***

Иных свободный ум возносит выше,
но все ж его не обойму мечтой:
мне видится с ума сошедший Ницше,
как с поезда, идущего в Ничто.

***

Судьба поэта

В даль и глубь стремиться снова,
прикоснуться до глубин,
распахнуть мир через слово
и провидеть: что за ним?

***

Раз к поэту обратился
кто-то очень молодым:
“Как моё стихотворенье ?”
-- “Взвесь золу после сожженья,
остальное будет дым”.

***

К рассвету засыпать невмочь.
Пьянит весною воздух мглистый,
а за окном поют всю ночь
скворцы, народные артисты.

Поют вне всяких бранных слов,
ночных гудков тревоги “скорой”,
чьих-то визжавших голосов,
оставленных гулящей сворой.

Мне засыпать уже нельзя,
у них ко мне свои вопросы.
Пока поют мои друзья,
и я ещё не безголосый.

***

Зима порою ещё в неведе*е*нии,
а птицы-певицы уж будят от сна,
кошки перешли на лёгкое поведение,
значит точно -- пришла весна.

***

Вы знаете, что часто в полудрёме,
когда слова и мысли тают,
случается, как будто мухи в доме,
стихи вокруг ещё витают.

Порою хочется им дать немного вздрючки,
(чтоб жизнь-старуха не ворчала!),
последние стихи и деньги “до получки”
всегда дороже номинала.

***

На ленте времени наш век равен минутке,
поэты, мы живём лишь в промежутке,
ибо для нас имеет всё значенье
граница между выпивкой и опьяненьем.

***

Беня говорит мало . . . но хочется,

чтобы он сказал ещё что-нибудь.

Исаак Бабель

Весна. Скворцы шальные прилетели.
Я ухожу в обратный путь.
Но снится мне: вы будто захотели,
чтоб я сказал ещё вам что-нибудь.

***

Зовут уже годы в дорогу туманную
по чьим-то давно проторённым
следам.
А я вспоминаю судьбу окаянную
и думаю: будет не хуже и “там”.

***

Век больной свои победы множит.
Но как прежде, новых бед помимо,
старая инфекция тревожит,
видимо, она неизлечима.

В головах уверенно гуляет
массовая лёгкая культура,
плотно все пустоты заливает --
что Верлен именовал “литература”.

Если мы ещё “портные” с вами --
как бы бытовуха ни сложилась,
надо мысли так одеть словами,
чтобы слово красотой светилось.

***

Поэта не волнует честь,
и как мы будем почитать.
Его порой можно прочесть,
но невозможно прочитать.

***

Жизнь изо всех сил старается походить
на хорошо придуманную историю.
Исаак Бабель

Пандемия

Снаружи, как ни посмотри,
вся жизнь запрятана внутри.
Ты обречён судьбой, крепись,
в любом мужчине мистер Икс.

***

В тупой тоске, глухой печали
предсмертный путь непостижим.
Запутавшийся на вокзале,
как я завидую другим.
Они как люди умирали,
и в тишине, и на миру,
а я мыслишки собираю,
и всё никак не соберу.

***

Уставший разум тянется к закату
вдогонку убегающей мечты.
Вся жизнь -- одна последняя минута:
в весёлом танце мысли и абсурда
счастливо пробежаться по канату . . .
и оборваться с высоты.

***

Близкие мои, других уж нету,
на поминках, выпив, поскорбя,
заведя тягучую беседу,
помолчите каждый про себя:
“Нам, самим себе таким любимым,
ничего не смог он написать,
чтобы, проходя сторонкой мимо,
что-нибудь по ветру разбросать”.

***

В конце, когда артрит в костях,
а взор уже поник,
и где-то с краю ты в гостях,
держись ещё, старик.

Ты принц среди домашних книг.
Ещё не сразу сон.
С тобой всегда родной язык,
пока вокруг жаргон.

Если надумаешь привет
небесному лучу,
то лучше способа и нет --
в ночи зажечь свечу.

***

Если хотим стихом своё сказать,
а он не пишется,
в старанье жутком,
пустое дело -- разумом писать,
ещё глупей -- рассудком.

***

Последний доживаем век,
век энтропийного распада,
красно-коричневого ада,
где правит кибер-интеллект.

Когда кругом гуляет свора
приматов* в облике людей,
беда постигнет очень скоро
всех: и блядей и лебедей.

* Приматы -- специалисты по прикладной математике

***

Листки мои уже не берегу,
лежат в углу, покладисты и кротки,
как на морском холодном берегу
оставленные к ночи чьи-то шмотки.

Они ещё хранят своё тепло,
хозяин, может, вспомнит и вернётся.
Но времени всё меньше остаётся,
как бы с волнами в даль не утекло.

Если на них случайно набредут
счастливые гуляющие люди --
как они их хозяина найдут?
Да и никто искать уже не будет.

***

“Весь мир -- театр, и люди в нём
актёры” --
четыре века как сказал Шекспир,
совсем недавно, но актёры сворой
затёрли все слова до дыр.

P.S.

За сорок лет до некого Шекспира
эти слова стихом пропел Ронсар.
Легко и праведно принёс он этот дар,
но лишь для Франции
была его порфира.

***

Эпитафии

О нём немногие тужили.
Полвека, в думку погружён,
сидел в гробу кирпичном он . . .
Затем сюда переложили.

Не надо спрашивать, кем был тот человек,
какой помог решить из мировых вопросов.
Тот мыслящий, кто с вами прожил век
и не сошел с ума -- он был философ.

Всю жизнь он был поэт, при этом
не верил собственным глазам,
но верил «пр**о**клятым» поэтам:
возможно, проклят был бы сам.

***

Саре Погреб

За то, что столько лет прожил,
за то, что всё ещё живой,
я до сих пор не оплатил
долги, оплаченные мной.

***

Беспечны и легки поэты.
Стихи, как запахи, витают.
Они их ловят . . . а в букеты
пускай редакторы верстают.

В местах, где люди ходят мимо,
цветы, как вестники любви.
Когда бы только для любимых --
как были б дороги они.

***

Безрадостен, кого пленила мысль
до Истины великой докопаться.
Он в яму ей свою бросает жизнь,
и с Жизнью насмерть
обречён сражаться.

***

Поэзия в стихе зовёт нас ввысь,
где небо ослепляет ярко.
Она -- в руке пророка тирс,
а факт, сюжет -- простая палка.

***

Себе

Тогда доволен будь стихами ты своими --
когда они тебя повергнут в трепет, дрожь,
не страшен будет скальпель или нож,
трактовщики твои своё оставят имя

***

Поэты, мы на службе Мысли,
как зародилось на века.
Чтоб описать неточность смысла,
нужна нам точность языка.

***

Весь мир не создавал никто.
Не верь чужим глазам.
Живой увидит только то,
что сам нарисовал.

***

Всё мысль, да мысль! . . .

Е.А. Баратынский

Живая мысль родней всего.
Ещё словами не одета,
она ждёт взгляда твоего
под лаской утреннего света.

Откинув покрывало прочь,
своею красотой гордится.
Скорей забыть глухую ночь
и к новой жизни устремиться.

Мою красавицу сберечь
хочу подольше обнажённой,
подольше на неё смотреть,
ничем от глаз не защищённой.

Но свет её торопит в свет,
только одетой принимает
словами. Ничего иного нет,
другого он не понимает.

***

Я не люблю “народ простой”;
простой -- он попросту пустой,
и закоснеет на века
в нём пережиток дурака.

Его легко запрячь в фашизм . . .
как и во всякий прочий “изм”.

***

Мне не нужна всеобщего единства
прелесть,
всегда ведущего в какой-то “изм”.
Из многих ценностей я выбираю “ересь”,
как право выбора.
Без ереси* -- фашизм.

*ересь {heiresis} -- выбор
(перевод с древнегреческого)

***

Человеку с рождения мало завещано.
Но любому свой минимум
нужен от века.
Мой прожиточный минимум --
добрая женщина
и достойная человека библиотека.

***

Жизнь наша редко радостной пройдет,
чаще лукавой --
мы всё ж её храним . . .
но не об этом речь.
Если подлюка-смерть прикроет наш уход
фальшивкой-славой,
мы можем жизнью и до срока пренебречь.

***

Во сне сквозь поределый мрак
мне вдруг послышалось: тик-так,
тик-так . . . и много-много раз,
как будто кто-то будит нас.

Я обнаружил хитреца,
хоть не видал его лица.
Его тут Временем зовут,
он знает цену всех минут.

Его звоночек на столе
весь век напоминает мне --
что в этом мире стоит свеч,
о чём вести достойно речь.

Он на дежурстве всякий час,
и вовсе не смыкает глаз.
В глухую пустоту уйдём
мы только с Временем вдвоём.

***

Как утверждал “большой” Платон,
живого нет в пределах круга,
все -- лишь идеи друг для друга ,
полис -- огромный органон.

Если война -- всего идея,
зачем же людям не собраться,
не вспомнить, что мы
всё же братья --
не бред безумного злодея.

***

.....

но не встречал я в жизни
чёрта,
кто бы стремился
“к богу в рай”.

***

Напрасно мыслим на века.
Лишь то на свете остаётся,
чего поэзия коснётся.
Всё остальное -- шелуха.

***

.....

Что от античности осталось --
не даст рассыпаться нам в хаос.

***

Такие птицы нынче редки.
Зачем сидишь ты в этой клетке?
Порою горестно смотреть . . .
-- А мне и некуда лететь.

***

В плену любви навек уснуть --
прекрасно.
Где нет любви -- там умереть
не страшно.

***

Если мысли все в слова одеты,
надо нам задуматься сперва:
мыслят разве что поэты,
остальные -- говорят слова.

***

Великому Георгию Данелия

Ушёл Данелия . . .

Но недалече.

Где жизнь -- комедия,

с ним неизбежна встреча.

***

Какая радость -- наступило утро!

Извечный нам подарок от природы.

Идёт война -- и наступило утро.

Теперь мы дни считаем, а не годы.

И новый день другой валютой ценим,

он -- самая желанная награда.

И мирозданию всё больше верим,

что раз мы здесь -- кому-то это надо.

***

Утро вечера мудрее

Увидев н**а** небе звезду,

не опускай глаза печальны.

Она блеснет в твоём саду --

и та и эта нереальны.

А что реально на земле?

Ты сам надолго ли реален --

цветок, забытый на скамье,

и листьями к утру завален.

***

Многим на земле рискуем,
есть чем дорожить.
Что на свете нарисуем --
тем и будем жить.

***

Нежданно наступила осень.
Вторая осень злой войны.
В грязи лежат её сыны.
На небе выступила просинь.
Она им больше не видна --
затмила навсегда война.

А птичий клин летит куда-то.
Другим он встретится солдатам.

***

Букет -- как стих. Сперва
окинь его весь, сразу,
не ставь в большую вазу --
рассыпется в слова.

***

Подсказываете вы не к месту,

во что стихи мои рядить --

равно, как поучать невесту,

как ей дитя своё родить.

***

Быть может, в нашей жизни бренной
мы лишь следы в пустой игре
странных аттракторов Вселенной
с пространствами Пуанкаре.

***

Лесник мне в юности сказал:

“Когда приступит злая кара --

лес от раздутого пожара

порой спасает встречный пал”.

***

Смотрю, как сужается окно,

всё меньше подлинной надежды,

и скоро станет всё равно --

где сбросит дух свои одежды.

***

Сколько бы ни было амбиций
на сцене у каждого из нас --
как много трудных репетиций,
когда играешь только раз!

***

Судьбе

Благодарю, судьба,
за жизнь под приговором,
что не сошёл с ума,
не сдохнул под забором,
что всё-таки поэт,
хотя никем не читан.
Теперь такого нет,
кто читан и прочитан.
Поэта прочитать
не всякому возможно,
как прозорливцем стать,
где всё на свете ложно.
Не всем смотреть вперёд.
Теперь вы мне поверьте,
что всех нас приберёт
“синдром внезапной смерти”.

***

.....

Мы все -- частички некого Ума,
великой милости большой Природы.
Она есть Бог, и лишь Она сама
себе и радости, и все невзгоды.

***

Я слово позабыл, что я хотел сказать . . .

Осип Мандельштам

Кто бы мне вовремя успел сказать:
“Не заиграйся с “божьим светом”.
Ты перестанешь быть поэтом,
как только станешь сочинять.”

***

Японский стих не виден сразу,
его не вытянешь в длину,
вся танка -- это блеск алмаза,
если проникнешь в глубину.

***

Давно уже совсем не странно --
японцы видят, как нигде:
живые люди -- обезьяны,
ловящие луну в воде.

***

Теперь вся жизнь пошла

не впрок,

хотя предвидел всё заране.

Последний отмеряю срок,

пока исчезну в котловане.

***

Не всякий на земле заметит:

“горящий мир пока что светит”,

доволен, что не так быстр**а**

тропинка до его костра.

***

Настала ночь, всего лишь ночь.

Но с ней полжизни ты проводишь.

Её не прогоняешь прочь,

бывает, в ней себя находишь.

***

Памяти Рубоко Шо

Какая дьявольская власть

меня влечёт, не отпуская ?

Хотел бы я навек упасть,

твои колени раздвигая.

***

Россия -- цирк, а клоун в цирке --
умнейший из артистов

***

Я долго подбирал слова . . .
Теперь откроюсь перед вами:
поэзия есть мысль,
прикрытая словами,
что светятся порой едва-едва.

***

Немало я прошёл
по жизни спозаранку.
Где видел красоту --
всегда встречал изнанку.

А если, оступясь,
порой вступаешь в грязь,
вдруг рядом доброта
спешит к тебе, смеясь.

Не жди, что красота
одна гуляет где-то,
куда бы ни пришёл,
везде и то, и это.

Приклейте мне ярлык:

бродяга, фаталист --

весь мир огромный мой,

как Мёбиуса лист.

***

Я ненавижу человечество,

я от него бегу спеша.

Моё единое отечество --

моя пустынная душа.

К. Бальмонт

Я подбрасываю фразы в воздух,

словно … котят, ибо уверен,

что они непременно упадут

на все четыре лапы.

Теофиль Готье

Поэта -- стихотворцем

мир воображает,

но он не повитуха-острослов.

Поэт ребёночка, крича, рожает,

а после завернёт в пелёнки слов.

***

Судьба по разному ведёт вперёд:
путь от вокзала до вокзала.
Теперь она мне показала
от жизни к смерти переход.

***

В жизни всё в одну
стремится бездну,
и ничто не достигает дна.
Все стихи когда-нибудь исчезнут.
Выживет поэзия одна.

==========

Автор: Владимир Петрович Градусов
Стихи отобрал Владимир Лев

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

(Философская лирика)

Том 1

(до 2024 г.)